

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи, посвященномъ исторіи русской общественной мысли, я исходилъ изъ того основного положенія историческаго матеріализма, что не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе сознаніе. Поэтому, я прежде всего обратился къ обзору объективныхъ условій мѣста и времени, опредѣлявшихъ собою ходъ развитія русской общественной жизни. Этому обзору посвящено мое историческое введеніе. Условіями мѣста я называю географическую, а условіями времени — историческую обстановку названнаго процесса. Изученіе географической обстановки,—другими словами, свойствъ географической среды,—казалось мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что наши историки не всегда посвящали ей должное вниманіе, а когда посвящали, то не всегда смотрѣли на нее съ правильной точки зрѣнія. Примѣромъ не вполне удовлетворительной оцѣнки вліянія географической среды на исторію русскаго народа мнѣ послужили соображенія покойнаго С. М. Соловьева о томъ, какъ должна была вліять эта среда на характеръ нашего народа. Я держусь того убѣжденія, что географическая обстановка вліяетъ на характеръ даннаго народа лишь черезъ посредство общественныхъ отношеній, принимающихъ тотъ или другой видъ, въ зависимости отъ того, замедляетъ или ускоряетъ она ростъ производительныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи даннаго народа. Анализъ географической обстановки русскаго историческаго процесса привелъ меня къ тому заключенію, что подъ ея вліяніемъ ростъ производительныхъ силъ русскаго народа происходилъ очень медленно сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ у болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи народовъ Западной Европы. Уже эта сравнительная медленность роста производительныхъ силъ, а стало быть—и всего хода экономическаго развитія, въ значительной степени объясняетъ нѣкоторыя важныя—хотя, конечно, не абсолютныя, какъ думали славянофилы, а только относительныя—особенности нашего общественнаго быта. Въ свою очередь, анализъ исторической обстановки показалъ мнѣ, что она долго усиливала эти обусловленныя географической

средой особенности, такъ что въ теченіе довольно продолжительной эпохи Русь, по характеру своего соціально-политическаго строя, все болѣе и болѣе удалялась отъ Запада и сближалась съ Востокомъ. Это неизбежно должно было наложить глубокий отпечатокъ на то, что называется русскимъ народнымъ духомъ. Но та же историческая обстановка положила, наконецъ, предѣлъ этому сближенію Руси съ Востокомъ и принудила ее искать сближенія съ Западомъ. Петровская реформа составила чрезвычайно важную эпоху въ исторіи русской общественной жизни. Ея неизбежнымъ, хотя болѣе или менѣе отдаленнымъ, слѣдствіемъ явилась европеизація нашихъ общественно-политическихъ отношеній, правда, и понынѣ еще не совсѣмъ законченная. Само собой понятно, что европеизація русскаго общественнаго бытія не могла не сопровождаться европеизаціей русскаго общественнаго сознанія, то-есть что послѣ реформы наши идеологи учились у западно-европейскихъ. Теперь очень недурно выяснена исторія «западнаго вліянія» въ русской литературѣ. Но я считалъ необходимымъ остановиться на слѣдующей, до сихъ поръ почти незамѣченной особенности названнаго вліянія. Общественно-политическія отношенія передовыхъ странъ Западной Европы, опредѣлившія собою ходъ развитія западно-европейской общественной мысли, конечно, не оставались неизмѣнными съ тѣхъ поръ, какъ «западное вліяніе» стало замѣтнымъ образомъ проникать въ нашу страну. До 1789 года общественное движеніе происходило на Западѣ подъ знаменемъ буржуазіи, которая вела рѣшительную борьбу съ духовной и свѣтской аристократіей. Идеологи западной буржуазіи были тогда передовыми идеологами всего міра. Но послѣ 1789 года буржуазія, вообще говоря, перестала быть революционнымъ классомъ. Она обнаруживала съ тѣхъ поръ лишь болѣе или менѣе оппозиціонное настроеніе, вызывавшееся реакціонными стремленіями аристократіи. Наконецъ, послѣ 1848—49 гг. она утратила и это настроеніе, усвоивъ себѣ консервативныя или даже реакціонныя наклонности. Разумѣется, эта перемѣна цѣликомъ отразилась и на дѣятельности ея идеологовъ. До Великой французской революціи они были болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе послѣдовательными революціонерами. Событія 1848 г. сдѣлали ихъ болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе послѣдовательными консерваторами или реакціонерами. Однако, русская интеллигенція только въ лицѣ наиболѣе проницательныхъ своихъ представителей отдавала себѣ ясный отчетъ въ этихъ совершившихся на Западѣ перемѣнахъ. Да и наиболѣе проницательные ея представители не всегда со всѣхъ сторонъ выясняли себѣ тѣсную причинную связь перемѣны, происходившей въ идейной области, съ

переменной въ области социальнo-политической. Сознавая эту связь въ болѣе знакомыхъ имъ областяхъ мысли, они подчасъ какъ будто вовсе не подозрѣвали ея существованія въ областяхъ имъ менѣе извѣстныхъ. Благодаря этому, у насъ часто выходило такъ: идеологи, заимствовавшіе у западныхъ писателей передовыя общественыя теоріи, своимъ появленіемъ знаменовавшія тотъ до крайности важный историческій фактъ, что роль передового класса переходила на Западѣ отъ буржуазіи къ пролетаріату, придерживались въ то же самое время такихъ философскихъ или литературныхъ понятій, которыя знаменовали собою упадокъ буржуазіи, ея отказъ отъ роли передового застрѣльщика въ освободительной борьбѣ. Возьмемъ примѣръ. Усвоивъ себѣ такія социальныя теоріи, которыя были самыми передовыми западными социальными теоріями изо всѣхъ ему извѣстныхъ (наиболѣе передовой между ними теоріи Маркса онъ не зналъ), Чернышевскій былъ вполнѣ послѣдователенъ, держась въ философіи ученія Фейербаха, бывшаго наиболѣе передовымъ изо всѣхъ знакомыхъ ему ученій Запада. Но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ мы уже не видимъ такихъ послѣдовательныхъ мыслителей между передовыми русскими идеологами. Тогда, рядомъ съ передовыми социальными ученіями Запада у насъ стали распространяться подъ именемъ критицизма такія философскія ученія, успѣхъ которыхъ на Западѣ вызванъ былъ, именно, указаннымъ выше упадкомъ буржуазныхъ идеологій послѣ 1848 года. И съ этихъ поръ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій міросозерцаніе передовыхъ русскихъ писателей,—идеологовъ самага передового тогда русскаго общественнаго слоя, слоя разночинцевъ,—неизмѣнно страдало электизмомъ, совмѣщая въ себѣ такія совокупности взглядовъ, которыя по самой природѣ своей были несогласимы между собою, такъ какъ служили выраженіемъ діаметрально противоположныхъ и потому совершенно непримиримыхъ между собою общественныхъ теченій. Конечно, это было большимъ минусомъ въ исторіи нашего умственнаго развитія. Чаадаевъ съ горестію восклицалъ когда-то: «лучшія идеи, за отсутствіемъ связи или послѣдовательности, замираютъ въ нашемъ мозгу и превращаются въ безплодные призраки». Это, очевидно, было огромнымъ преувеличеніемъ. Но не менѣе очевидно и то, что въ нашихъ лучшихъ идеяхъ, въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко замѣчается недостатокъ «связи или послѣдовательности». Такой недостатокъ не можетъ не раздражать публициста, избавившагося отъ него благодаря той или другой счастливой случайности. Но историкъ обязанъ «не плакать, не смѣяться, а понимать». Онъ долженъ объяснить, откуда произошелъ недостатокъ «связи или послѣдовательности» въ міросозерцаніи многихъ нашихъ болѣе

или менѣ передовыхъ идеологовъ. Я старался по мѣрѣ силъ добросовѣстно выполнить эту обязанность историка. Анализируя ту историческую обстановку, въ которой совершалось умственное движеніе въ средѣ различныхъ классовъ русскаго населенія, я постарался учесть вліяніе на него кризиса, вызваннаго въ исторіи западно-европейской мысли революціоннымъ движеніемъ 1848 года. Мой анализъ привелъ меня къ тому выводу, что нелогичность, нерѣдко проявляемая русскими идеологами, объясняется въ послѣднемъ счетѣ логикой западно-европейскаго общественнаго развитія. Какъ ни парадоксаленъ на первый взглядъ этотъ выводъ, я считаю его совершенно неоспоримымъ. Тѣхъ, которые были бы непріятно удивлены имъ, я попросилъ бы вспомнить, что явленія, представляющіяся намъ парадоксальными, очень нерѣдко получаются въ результатъ сложныхъ процессовъ какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи.

Еще два слова. Для меня несомнѣнно, что въ моей работѣ найдутся тѣ или иные частные промахи. Errare humanum est. Но я глубоко убѣжденъ какъ въ непоколебимой правильности своего указаннаго выше исходнаго положенія, такъ и въ томъ, что, усвоивъ его себѣ, я долженъ былъ итти въ своемъ изслѣдованіи, именно, тѣмъ путемъ, который только что указанъ здѣсь мною. Логика обязываетъ.
